

18+

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ТРЕГУБОВ

ВОСПОМИНАНИЯ И РАССКАЗЫ

ИОСИФ ТРЕГУБ, АЛЕКСАНДР ТРЕГУБ, ИННА ТРЕГУБ

Иосиф Трегуб

**Воспоминания и рассказы.
История семьи Трегубов**

«Издательские решения»

Трегуб И.

Воспоминания и рассказы. История семьи Трегубов / И. Трегуб —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509732-3

Книга «Воспоминания и рассказы» содержит произведения двух поколений семьи Трегубов — Иосифа Трегуба, его сына — Александра Трегуба и супруги Александра — Инны Трегуб. Мемуары и рассказы будут интересны широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-00-509732-3

© Трегуб И.
© Издательские решения

Содержание

Иосиф Трегуб	6
История семьи Трегубов	6
Бабушка и дедушка	6
Дядя Саша (Исай) – Трегуб Александр Михайлович	8
Яня (Яков)	9
Сарра и Изя	12
Томочка (Тамара)	14
Виталик	15
Дядя Шура-Трегуб. Александр Михайлович	15
Фронт и застава	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Воспоминания и рассказы История семьи Трегубов

**Иосиф Трегуб
Александр Трегуб
Инна Трегуб**

Редактор Максим Осовский

© Иосиф Трегуб, 2020

© Александр Трегуб, 2020

© Инна Трегуб, 2020

ISBN 978-5-0050-9732-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иосиф Трегуб

История семьи Трегубов

Жил-был я.

Стоит ли об этом?

С. Кирсанов

Мне не очень хотелось писать о своей жизни, т.к. она очень обычная и может представлять интерес только для близких мне людей. Но, во-первых, об этом просил мой сын и во – вторых, я сам себя постоянно ругаю, что я не узнал от своих родителей о жизни своих предков и теперь это навсегда утеряно.

Теперь, как писать? В виде анкеты – совсем не интересно, а в виде повести – так я не писатель. Напишу что-то не как произведение, а просто более-менее подробно о том, что помню. Буду писать так, как помню, ничего не выдумывать. Конечно, очень личное пропущу – это должно остаться только со мной. Начну с того, что я знаю о своих предках к сожалению очень мало)

Бабушка и дедушка

Дедушка и бабушка Иосифа Трегуба

Сначала, о папиных родителях. Папин отец Трегуб Аврум-Мейлах Кисанович родился в 1867 году. Папина мама Трегуб Эйда Янкелевна родилась в 1872 году. Место рождения я не знаю. Знаю только, что в 1892 году мой папа родился в городе. Вязовок, Черкасской губернии. У моих бабушки и дедушки по некоторым данным было семеро детей: 6 мальчиков и одна девочка. Выжили и стали взрослыми 5 мальчиков: мой отец – Екусиель (Константин) 1882 года рождения, Исай (1884г.р.), Илья (1887 г.р.), Боря (не знаю точно, видимо в начале 1900-х) и Александр (Шура) в 1906 году. Знаю, что семья жила довольно бедно (во всяком случае, из рассказов папы я помню, что все дети спали вместе).

Когда и почему семья переехала в город Николаев я не знаю. Во всяком случае, согласно папиной трудовой книжки, в 1906 году (в 14 лет!) он уже начал работать в г. Николаеве в какой-

то экспортной конторе «А.Г.Брон», видимо учеником счетовода. В 1914г, когда он закончил работу в этой конторе, он уже был Пом. Бухгалтера (так, во всяком случае, в трудовой книжке).

Бабушку и дедушку я помню. Бабушка была парализована, всегда сидела в кресле, но крепко держала в руке мужа и детей. Я помню, что когда меня приводили показать бабушке, я почему-то боялся, она была как мне казалось, очень строгая. Бабушка решила, что все первые сыновья у ее сыновей будут носить имя «Янкель» в честь ее отца. Поэтому, когда в 1918 году у Исая (мой самый любимый дядя Саша) родился сын, его назвали Яней. Когда в 1923 году родился сын у дяди Илюши, его тоже назвали Яней. В 1925 году родился я и тоже должен был получить имя «Яня», но моя мама, у которой тоже был сильный характер, решила меня назвать Иосифом (Юзей, видимо, потому, что по-польски мое имя Юзеф, а Йося как-то в то время не очень звучало.) Иосифом меня назвали в честь маминого отца, который в 1918 году погиб во время еврейского погрома. Зато, когда через полтора года, в 1926 году родился мой родной братик, выбора уже не было, и его тоже назвали Яней. Таким образом, из 6 братьев 3 носят имя Яня: Яков Исаевич, Яков Ильич и Яков Константинович. Дедушка работал в Николаевском торговом порту в артели грузчиков, весовщиком. Он был очень верующим, регулярно посещал синагогу и даже, кажется, выполнял там какую-то волонтерскую работу. Несмотря на это, никто из его сыновей не был верующим – время было такое. Бабушка умерла рано, в 1931 году, ей было всего 59 лет, но я уже писал, что она была очень больна, парализована. Дедушка скончался в 1940 году в возрасте 73 лет.

Теперь я постараюсь написать вкратце обо всех наших ближайших родственниках, как я помню. Если что-то не так, пусть простят и, если нужно и захотят, уточнят

Отец (сидит крайний справа) и дяди Иосифа Трегуба

Дядя Саша (Исай) – Трегуб Александр Михайлович

Старшим братом моего папы был Трегуб Исай-Аврум Мейлахович. На заводе его звали Александр Михайлович, папа и мама называли Саша, мы – дядя Саша. Дядя Саша был высококвалифицированным слесарем-лекальщиком на огромном Николаевском судостроитель-

ном заводе, пожалуй, самом большом судостроительном заводе в СССР. Последние годы, после войны – начальником Центральной Заводской Лаборатории Николаевского завода "Дормашина».

Его жена Трегуб (Гриншпунт) Ревекка Израилевна (тетя Рива) до замужества работала в парикмахерской, после – домашняя хозяйка. Дядя Саша умел делать все. Всем соседям чинил швейные машинки, паял кастрюли и. т. д. Даже починил радиоприемник, который тогда был большой редкостью. Специального образования у него не было. Закончил хедер (еврейская религиозная школа), хотя религиозным, как и все братья, не был. Считался грамотным человеком т.к. умел читать и писать на русском и иврите. Очень хотел учиться, хотя бы в вечернем техникуме, но не мог, т.к. надо было кормить семью, а это в то время было очень не просто.

Дядя Саша был самым любимым нашим дядей и очень близким и родным человеком для папы и мамы. Он был очень добрым и мудрым человеком. Наши семьи встречались довольно часто, благо и жили мы рядом. Помню, что часто папа, мама, дядя Саша и тетя Рива играли в карточную игру «66» (правила не знаю, но, наверное, можно узнать), обсуждали и разные вопросы, советовались. Было спокойно и уютно. Дядя Саша умер в 1951 году, тетя Рива – в 1978 году в г. Николаеве.

У дяди Саши и тети Ривы было двое детей: мальчик Яня (Яков) и девочка Сарра, мои любимые брат и сестра. Сначала о старшем брате – Яне.

Яня (Яков)

Он был всегда очень целеустремленным, талантливым и обладал незаурядными организаторскими способностями. Благодаря своим незаурядным способностям он достиг в своей замечательной жизни очень многого – в течении многих лет был одним из создателей, организаторов и руководителей ракетно-космической отрасли страны, участвовал в разработке и управлении запуском большого количества баллистических ракет, в том числе орбитальных космических станций, пилотируемых космических ракет, в течении ряда лет был заместителем Генерального конструктора ракет ОКБ-1 С.П Королева, а после смерти Королева -заместителем Мишина. Огромный объем выполненной братом работы мне даже трудно оценить. Брат был очень скромным человеком и, к сожалению, не оставил никаких мемуаров. Если на сайте Google набрать имя Трегуб Яков Исаевич, то можно получить некоторые сведения о его жизни и работе. Но, во-первых, они разбросаны по многим книгам, посвященным созданию ракетно-космического комплекса, во-вторых, их относительно немного и иногда они противоречивы и неверны. Я напишу только то, что знаю. Наверно, написать достоверную и полную биографию смогут только те, кто хорошо знал его жизнь – его дети.

Брат родился 21 сентября 1918 года в г. Николаеве. Учился в семилетней школе. Уже в то время он был очень активным, заводилой в пионерской организации. После окончания школы поступил в Николаевский судостроительный техникум

После окончания техникума в 1937 году брат неожиданно поступил в Ленинградскую военную электротехническую Академию. Помню, как мы с моим родным братом (тоже Яней) восхищались, когда он в военной форме приезжал в отпуск (помню, мы даже предполагали, что у него, наверно, есть пистолет!). Конечно, мы видели его только во время приезда и расставания. У него в Николаеве было много друзей, а на нас мелюзгу, он не обращал внимания. В Академии он очень хорошо учился и был очень активным и известным. Интересно, что я в 1947 году поступил в эту же Академию (она уже называлась Академия связи) и сотрудники Академии помнили брата и мне кто-то даже подарил его фотографию из Академической газеты.

В 1941 году началась Великая Отечественная война и сразу же после окончания Академии брат был направлен на фронт в знаменитую 1-ю гвардейскую отдельную моторизованную

инженерную бригаду специального назначения – первого соединения, применявшего дистанционные (по радио) взрывы боезарядов, электрические проволочные заграждения, а также выполнявшие работы по минированию и разминированию. Часто минеры бригады взаимодействовали со стрелковыми частями в боевых действиях. Брат принимал непосредственное участие в боевых действиях, был тяжело ранен в августе 1943 г. За участие в ВОВ брат награжден 3-мя орденами: Отечественной войны 1 и 2 степени и Красной звезды.

После окончания войны, брат, в составе группы специалистов в которую входил и С. П. Королев, будущий Главный Конструктор ракетно-космического комплекса страны, был направлен на изучение немецкой трофейной ракетной техники на о. Пенемюнде. В это-же время я тоже находился в Германии в составе ГСОВГ, но мы не могли встретиться, т.к. все упоминания о местонахождения вычеркивались цензурой. И тогда брат придумал, как перехитрить цензуру. В письме ко мне (переписка, естественно, шла по адресу: «полевая почта») он написал: «Кстати, в Зондерхаузене встретил случайно твоего старшего брата». Цензура это не вычеркнула и на этой неделе я поехал к брату. Это была замечательная встреча, никогда не забуду. Кстати, тогда я впервые познакомился с Августой – женой брата. Тогда же брат дал мне совет, который определил всю мою последующую жизнь. Дело в том, что я не хотел служить в армии, хотел поступить в университет или инженерный институт. Я подал рапорт на увольнение, но получил отказ. Я собирался продолжать борьбу за увольнение, но брат сказал: " И не пытайся. Ты теперь кадровый офицер и тебя из армии не отпустят. Единственное решение – поступить в военную инженерную академию.» Я так и сделал и не жалею, хотя в Армии прослужил 33,5 календарных года. В 1946 году создается Государственный центральный ракетный полигон «Капустин Яр», куда переезжают все разработчики и испытатели ракет. В 1947г. брат был начальником стартовой команды при пуске первой советской баллистической ракеты А-4. В 1951 г. в составе Центрального полигона создается Полигон для испытания зенитных управляемых ракет и брат становится сначала Главным инженером, а потом Первым заместителем начальника этого полигона. В невероятно короткий срок создается Зенитно-ракетный комплекс и уже в 1953г. кольцо этих ракет вокруг Москвы.

Кстати, здесь моя жизнь странным образом пересеклась с жизнью брата. Дело в том, что важным элементом зенитно-ракетного комплекса является новейшая радиолокационная система. Для эксплуатации этой системы срочно были нужны квалифицированные специалисты. Такие специалисты в СССР готовились только в 2 военных Академиях: на нашем радиолокационном факультете Ленинградской Академии связи и в Харьковской артиллерийской радиотехнической Академии. Поэтому по решению Совнаркома срок обучения в этих военных подразделениях был сокращен и все выпускники 1952 года, в том числе и я, были направлены в Москву для переподготовки и последующей службы в частях московских зенитно-ракетных войск. Однако мне не суждено было работать в войсках, созданных при самом активном участии брата. На первом же совещании все офицеры-евреи были самым бесцеремонным образом выгнаны и хотя нам всем была известна обстановка в стране, но такого мы не ожидали. Было очень обидно, на глазах товарищей, с которыми мы вместе на равных учились 5 лет, выходить из зала и я этого никогда не забуду. Если хватит сил добраться до своей автобиографии, я об этом подробнее напишу. А пока я скажу о том, что в это время дикого разгула антисемитизма, брат продолжал работать над созданием ракетного комплекса. Это свидетельствует о том, что талант, высокая квалификация и организаторские способности брата оказались более важными, чем даже страшная 5 графа. В 1957 г. был создан головной научно-исследовательский институт в системе ПВО-НИИ-2 ПВО страны (г. Калинин) и брат был назначен заместителем начальника института по научно-исследовательской работе. Количество проблем, решаемых НИИ-2, и уровень задач был огромен, количество сотрудников очень велико, а должность заместителя по научно-исследовательской работе НИИ является центральной и брат успешно ее выполнял. В 1958г. ему было присвоено звание генерал-майор. Здесь наши

пути снова пересеклись, т.к. в армии я всегда служил в системе ПВО, поэтому я бывал в Калининне не только, чтобы навестить брата, но и по служебным делам. Встречался с сотрудниками НИИ, и мне было приятно видеть, с каким уважением сотрудники относятся к брату.

В 1964 г. Генеральный конструктор ОКБ-1, головного института по созданию ракетно-космического комплекса страны С. П. Королев предложил брату занять должность своего заместителя по испытаниям и на этой важной и почетной работе брат проработал почти 10 лет, до своей отставки. Брат руководил огромным коллективом ученых, инженеров и рабочих, осуществляющих испытания ракетного комплекса, участвовал в руководстве запуском баллистических ракет, в том числе и пилотируемых, был куратором отряда космонавтов. В 1966г. неожиданно скончался в возрасте всего 60 лет выдающийся Генеральный конструктор С.П.Королев. Генеральным конструктором был назначен Мишин и руководство ОКБ-1значительно ослабло. Возможно, Мишин был и неплохим конструктором, но заменить С.П.Королева он не мог. Последовало ряд неудач. В 1973 г. брат был назначен руководителем запуска долговременной орбитальной станции ДОС-3. Запуск был неудачным, станция после запуска начала вращаться и затем вошла в атмосферу и сгорела. Конечно, в неудаче была вина многих, и Государственная комиссия наказала многих, но главное наказание понес брат. Он был уволен с поста и отправлен в запас из Армии. Это было не только несправедливое, но и просто глупое решение Брату было всего 55 лет, он был опытный, высококвалифицированный, талантливый специалист и его увольнение, без сомнения, нанесло большой вред развитию ракетно-космической техники страны. Он перешел на работу во Всесоюзный НИИ электромашиностроения (ВНИИЭМ), где проработал до ухода на пенсию. В начале 90-х годов произошел несчастный случай – брат попал под машину и с тех пор стал инвалидом. После смерти в августе 2001 года жены он совсем слег и прилежал в тяжелом состоянии 6 лет – зимой в Москве у сына Саши, а летом на даче у дочери Наташи. Брат скончался 27 октября 2007 года. Похоронен на Алексеевском кладбище г. Москвы.

Немного о жене брата. Августа Максимовна Трегуб (Стулова) родилась в г. Кинешме, Ивановской области. Вышла замуж за брата в 1946г, в Германии. Августу я помню как добрую, заботливую женщину. Она была хорошей женой брату. Вместе с ним терпеливо переносила тяготы жизни на полигоне. Я помню, когда они жили в г. Калининне она регулярно на электричке ездила в Москву за продуктами и не жаловалась, хотя брат уже был генералом. Время было такое. Августа была очень гостеприимной. Когда я бывал в Калининне и Москве я всегда останавливался у брата, а не в гостинице, хотя гостиница мне и оплачивалась. Когда брат после перехода в ОКБ-1 переехал в Москву, Августа стала заядлой театралкой. 2 или 3 раза она мне доставала билеты в театр на Таганке (!), что в то время было возможно только людям, «особо приближенным к театральным кассирам». Хотя после моего увольнения из Армии в 1976г. я стал реже бывать в Москве, но я знал, что Августа плохо себя чувствовала и болела. И все же ее смерть 4 сентября 2001г. была для меня неожиданным горем. Брат очень тяжело перенес смерть жены и после этого он окончательно слег. У брата и Августы родилось двое детей: дочь Наташа и сын Саша. Наташа родилась 9 августа 1947г., когда брат еще работал на полигоне Капустин Яр. Наташа закончила Московский энергетический институт, защитила диссертацию к. т. н. и работает с. н. с. в ВНИИЭМ, в котором работали ее отец. В начале 70-х она вышла замуж за Евгения Буслова и в 1972 г. у них родилась дочь Оля. Оля вышла замуж за Дмитрия Бурмистова и у них родились 2 сына – Глеб и Олег- самое младшее поколение Трегубов.

Сын Саша родился 12 декабря 1951г. там же. После окончания школы он поступил в Московскую военную артиллерийскую Академию. После окончания Академии служил в 4 НИИ МО, защитил диссертацию к. т. н. В 1995 г. уволился в звании полковника. Удивительно, что после увольнения он стал успешно работать на фондовом рынке. В 1998г. по причине кризиса был уволен, но не сдался: занимался на дому аналитикой и публицистикой, писал обзоры по фондовому рынку, публиковался в газетах, журналах, интернете за небольшие гонорары,

а иногда просто, чтобы заработать имя (!). Такая целеустремленность, работоспособность и талант лично меня поражают. Я бы так не смог! Видимо, папины гены. Такая напряженная работа не прошла даром. Сашу пригласили на высокую должность в крупную и авторитетную организацию фондового рынка на высокую должность начальника аналитического управления, где он работает по сей день. В 1983г. Саша женился на Татьяне Владимировне Аксютки (теперь Трегуб). Татьяна по специальности экономист, сейчас на пенсии. У них двое сыновей: Сергей (родился 15.12.1987г.) и Андрей (родился 09.10.1990.). Оба окончили институт по прикладной математике, сейчас оба работают в банковском бизнесе.

Сарра и Изя

Теперь о дочери д. Саше и т. Ривы, моей единственной сестре Сарре. Сестра родилась 5 января 1921г. в г. Николаеве. Она была замечательной девушкой. Красивая, стройная, умная. Очень хорошо училась. Была очень спортивная, отлично бегала, прыгала, плавала, играла в волейбол, Была членом женской студенческой сборной города Николаева по волейболу, свободно могла переплыть реку Южный Буг (это больше километра). Участвовала в городских спортивных состязаниях по легкой атлетике. У нее был очень замечательный голос и очень красивое, приятное произношение. Я ее очень любил всю жизнь. Она научила меня и моего родного брата Яню плавать. Методика была очень простой и эффективной: мы становились ей на плечи, она заносила нас в реку, где ей было по горло, а нам выше головы и она нас бросала в воду, где мы под ее наблюдением барахтались. Так и научились плавать. После окончания семилетки она поступила Николаевский судостроительный техникум, который окончила в 1939г.

В техникуме Яня, родной брат Сарры (я о нем уже писал) познакомил ее со студентом Изей Катковым, с которым брат учился в одной группе техникума. Сарра и Изя полюбили друг друга и в этой любви прожили всю жизнь.

Изя родился 7 сентября 1918 г. во Львове, деревне еврейских колонистов под Херсоном. Отец Изи умер в результате ранения в 1 Мировой войне и Изя со своей мамой и братом Александром (Шурой) переехали в Херсон. В 14 лет Изя поступил в техникум. Моя сестра Сарра после окончания техникума поступила в Николаевский кораблестроительный институт (НКИ). Она имела право на поступление в институт без обязательного стажа после техникума, т.к. окончила техникум с отличием, а Изя был направлен на работу в Черноморский судостроительный завод (ЧСЗ) (тогда он назывался завод имени Андре Марти) на должность главного строителя котлов. Это очень большая должность, т. к. ЧСЗ был тогда крупнейшим, если не самым крупным, судостроительным заводом страны, гордостью нашего города. Моя сестра Саррочка была очень веселым человеком, но в то же время обладала сильным характером и решительностью. Когда после начальных дней Великой Отечественной войны стало ясно, что Николаев будет захвачен и началась подготовка к эвакуации завода, они с Изей решили расписаться, чтобы не растеряться во время войны. 7 июля 1941г. Изя отпросился с работы, они сбежали в ЗАГС, расписались, после чего Изя быстро вернулся на работу. Вот и вся свадьба. Но несмотря на то что свадьбы не было, они создали замечательную семью и прожили в любви и взаимном уважении 59 лет, до смерти Изи. И я не могу писать отдельно историю сестры без истории ее мужа Изи. Это неотделимо. В августе 1941г., чуть ли не последним эшелонам они всей семьей: дядя Саша, тетя Рива, сестра Сарра с мужем Изей и его братом Шурой с его семьей эвакуировались из Николаева в г. Сталинград, где они работали на каком-то авиационном заводе. Там же 22 апреля 1942г. у Сарры родилась дочь Тамара (Томочка). Потом немцы стали подходить к Сталинграду и авиационный завод эвакуировали. К тому времени министерство судостроительной промышленности получило указание всех судостроителей Ленинграда и Николаева направить в г. Северодвинск, где нужно было срочно строить суда

для караванов из Англии с вооружением, материалами, оборудованием и питанием для нужд войны по ленд-лизу. В Северодвинск были направлены д. Саша и Изя с братом Шурой, а женщины – Сарра с дочерью, т. Рива и семья брата Изи – Шуры, были направлены в г. Турьинские Рудники, где они работали на строительстве алюминиевого завода.

Ценой огромных усилий и напряженной работы на Северодвинском судостроительном заводе был налажен выпуск тральщиков и морских охотников, которые сразу же направлялись для проводки морских караванов из Англии. Только после этого, в начале 1943г. заводчанам разрешили привезти семьи. За женщинами направили Изю и он их всех привез в г. Северодвинск. Работали все на судостроительном заводе до освобождения г. Николаева. Уволиться с завода тогда было непросто, но т.к. открылся НКИ, то сестре Сарре, как студентке, разрешили вернуться на учебу, а с ней и всей семье – Изе, д. Саше и т. Риве. А брат Изи Шура со всей своей семьей остался работать в г. Северодвинске. После приезда в Николаев д. Саша и Изя сразу пошли работать на завод судостроительный завод ЧСЗ, Сарра начала учебу в НКИ, Изя продолжил учебу на вечернем отделении НКИ. Видимо, потому, что их квартира была занята, завод дал им другую квартиру в так называемых ЮМТ-овских домах. Дома были очень известны в городе, т.к. они были очень близко расположены от реки Южный Буг и главного пляжа города. После окончания института сестра поступила на работу в КБ отдела Главного Технолога ЧСЗ. 17 декабря 1948 г у Саррочки родился сын Виталик. В 1951 г в возрасте всего 67 лет (видимо, сказалась напряженная работа во время войны) скончался д. Саша и тетя Рива не смогла жить в этой квартире. Они сдали ее заводу и взамен получили очень малоразмерную 2-х комнатную квартиру в центре города. К концу 50-х годов Изя уже занимал довольно высокую должность Главного диспетчера завода, очень много работал. В начале 60-х годов руководство страны приняло решение о направлении специалистов промышленных предприятий в МТС (Это было место, где сосредотачивалась вся уборочная техника тракторы, комбайны, сеялки и т. д. и колхозы платили МТС за пользование этой техникой. Но культура работы с техникой была низкая. И тогда, решили направить заводских инженеров для организации обслуживания техники) и Изю, несмотря на то, что у него была семья в г. Николаеве, и он был не очень здоров в результате тяжелой работы во время войны, решили направить на работу главным механиком МТС. В «замечательном» Советском Союзе с людьми вообще не считались, передвигали их, как пешки. Понятие «права человека» в этом государстве вообще не существовало. Сарра, конечно не могла поехать с Изей – в Николаеве была больная мама, дети учились в школе, она работала на заводе конструктором, квартира. Таким образом, семья оказалась разлучена. Изя жил один. Время от времени Изя и Сарра навещали друг друга. В результате Изя серьезно заболел – у него начались проблемы со слуховым нервом, головокружения, он часто терял равновесие. Изю отпустили из МТС и он вернулся на завод. Но тут «встрепенулись» партийные органы. Оказалось, что он уехал без разрешения райкома и его исключили из партии. В то время это было страшное наказание, ты пожизненно становился изгоем, к тебе везде относились с недоверием, ты не мог получить сколь-нибудь серьезную работу. Изе пришлось очень долго бороться за восстановление в партии, он ездил в ЦК КПСС, писал письмо съезду партии. Понятно, сколько сил и здоровья отняла у него эта эпопея. Наконец, в партии его восстановили, но уже на прежнюю работу не назначили. Несколько лет он проработал в бюро межзаводской кооперации, а потом стал начальником технического бюро, а после 60 лет- старшим инженером ОТК завода. В 1982 (или 1983) г., в командировке в Одессе Изю сбила машина. После этого он не работал – болел. В октябре 2000г. в результате видимо, потери равновесия он упал во дворе дома, ударился головой и, не приходя в сознание, умер 10 октября 2000г.

Сарра всю жизнь проработала в отделе Главного технолога завода и ушла на пенсию с должности конструктора 1 категории, руководителя группы. К сожалению, Сарра последнее время очень болела, у нее был серьезный диабет. Но она очень мужественно боролась со своими болезнями, никогда не жаловалась. Когда в 1986г. произошла Чернобыльская авария,

Сарра сразу позвонила мне и сказала, что она не знает, что произошло, но предлагает, если нужно, привезти к ней детей. И когда стала понятна опасность, к ней Инна привезла Игорьку, а Света – Костю. И они пробыли в их маленькой квартире 2 недели, пока не нашли более подходящего места. По сути дела, она спасла наших внуков, и мы никогда этого не забудем. Я был очень счастлив, когда мне удавалось посещать их. Всегда останавливался у них. К сожалению, это получалось не так часто. Я часто звонил сестре, очень любил с ней говорить. Когда я позвонил последний раз, Томочка мне сказала, что мама уже не может ответить, т.к. была в очень тяжелом состоянии. 23 мая 2003 г. моя дорогая сестра Саррочка скончалась. Теперь о детях Сарры и Изи.

Томочка (Тамара)

Томочка родилась 22 апреля 1942 года в Сталинграде. Окончила школу в 1959 г. и поступила на физмат Николаевского пединститута. После окончания института 2 года преподавала физику в сельской школе, затем вернулась в Николаев и преподавала физику в городской школе. В 1966г. вышла замуж за киевлянина и переехала в Киев. 8 ноября 1967г. родилась дочь Лидочка. Однако, семейная жизнь не сложилась. Приехала Сарра, посмотрела и тут же приняла решение увезти Томочку с дочкой к себе в Николаев. Я это хорошо помню, т. к. Сарра этот вопрос обсуждали со мной. Я был не сторонник таких резких решений, но Сарра была настроена очень решительно и она оказалась права. Первое время Томочка с дочерью жила у родителей, но в 1970 году произошло событие, о котором я хочу рассказать. На ЧСЗ было закончено строительство первого судна для слежения за космическими станциями, знаменитого «Академик Сергей Королев». Для приема судна прибыла большая комиссия конструкторов и космонавтов, а руководителем комиссии был назначен мой старший брат Яня.

Можно представить, как в городе восприняли новость о том, что заместителем Главного конструктора космических кораблей является их земляк, Николаевец! По этому поводу, по просьбе брата была выделена однокомнатная квартира, в которой и поселилась Тома с Лидочкой. В 1971г. Тома вышла замуж за очень хорошего и надежного человека – Юрия Гросмана, который стал для всех нас близким родственником. 6 февраля 1974 г. Томочка родила сына – Мишу. После рождения Миши Томочка снова пошла работать в школу, преподавателем физики. Она была прекрасным преподавателем. Родители упрасивали директора школы, чтобы их дети попали в Томин класс. Она устраивала специальные дополнительные занятия для выпускников, за которые категорически отказывалась брать деньги. Она любила своих учеников и дети тоже ее любили. Что говорить, если в момент ее смерти у нее была ее бывшая ученица, которая пришла ее навестить. К сожалению, последнее время Томочка сильно болела, перенесла очень тяжелую операцию на сердце. Но она никогда не теряла бодрости духа. Мы с ней часто общались по Скайпу, и она никогда не жаловалась. К великому сожалению, в 2014г. она тяжело заболела и 13 августа 2014 года скончалась. О детях Тамары: Лида родилась в 1967г в Киеве, потом с Томой переехали в Николаев. В 1990г. вышла замуж за Сергея Барсукова. Оба закончили Кораблестроительный техникум. В 1991г. у них родился сын Саша. Лида и Сергей живут и работают в Николаеве. Саша окончил факультет международных отношений Николаевского факультета Киево-Могилянской Академии, живет и работает в Николаеве. В 1974г у Томочки и Юры родился сын Миша, который тоже закончил Николаевский Кораблестроительный институт. Долго он не мог найти свой путь в Николаеве и решил уехать в Израиль. Сейчас живет в г. Беер-Шеве, работает на заводе. В 2005 г. женился на Ирине АLEXИНОЙ (теперь Гросман). Живут хорошо, довольны. В 2006 г. у них родился сын Витя, очень энергичный и веселый мальчик. Скоро, видимо, будет пополнение. Так что жизнь и история Трегубов продолжается.

Виталик

Теперь о сыне Саррочки и Изи. Виталик родился 17 декабря 1948г. В Николаеве. Очень хорошо учился, много занимался спортом (мамины гены!) Бегал, играл в ганбол, увлекался академической греблей, серьезно занимался волейболом в ДСШ (детской спортивной школе) В 1966 г. поступил в КВИРТУ (Киевское высшее инженерное радиотехническое училище ПВО имени маршала авиации А. И. Покрышкина), где я работал преподавателем. Но мне не пришлось за него просить – он сдал вступительные экзамены блестяще. Учился очень хорошо. В 1971г. окончил КВИРТУ с золотой медалью и был направлен в батальон обеспечения при НИИ-2 ПВО в г. Калинин. Однако уже через год его перевели в НИИ инженером лаборатории. Там он, благодаря своим способностям, сделал блестящую карьеру: младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, начальник лаборатории, зам. начальника отдела. В 1976 году заочно поступил в Харьковскую Военную инженерную радиотехническую академию, которую окончил в 1979 году. В 1985г. защитил кандидатскую диссертацию, к.т. н. В 1986г. получил диплом старшего научного сотрудника. В 1971г. Виталик женился на Валентине Андреевне Пастуховой (теперь Катковой). В 1975 г. у них родились двойняшки, замечательные девочки – Леночка и Танечка. В 1992г. Виталик демобилизовался в звании подполковника и переехал в Москву, т. к. Валя была москвичкой и у нее была в Москве квартира. Сейчас Виталик занимает солидную должность Начальника отдела крупной телекоммуникационной компании. Валя окончила Московский энергетический институт, долго работала в проектных организациях, сейчас на пенсии. Лена окончила Московский энергетический институт. В 1997 году вышла замуж за Василия Фунтикова и 25 августа 2003г. у них родилась дочь Настенька. Таня окончила РЭУ им. Г. В. Плеханова с 1999 года была замужем за Олегом Ярыгиным, в 2010 году развелась. Пока не замужем.

Дядя Шура-Трегуб. Александр Михайлович

Дядя Шура родился в 1906 г. Он был самый младший из братьев Трегуб, 5 ребенком в большой семье. Дядя Шура был удивительным человеком, очень отличался от своих братьев. Он был коренастый, невысокого роста, но физически довольно сильный парень. Но главное, он был очень веселый, находчивый, коммуникабельный, с,я бы сказал, несколько авантюрным характером. Он прожил удивительную, в чем-то для меня, загадочную жизнь. Мой папа, как, думаю, и все братья, его очень любил. Он часто с удовольствием рассказывал какие-то невероятные истории о своем брате Шуре. Я запомнил такую, очень характерную для моего дяди Шуры. В 20-х -30-х годах представления в цирке Шапито, который каждый год призывал на лето в город, делились на 2 части. В первой было обычное цирковое представление-акробаты, жонглеры и. т. д., а во-втором- так называемая французская борьба. С цирком приезжали 6 -7 борцов, которые разыгрывали «соревнования». У борцов были, конечно, звучные» заграничные» фамилии или клички-Черная маска, Красная маска, Рыжий Дьявол и. т.д Хотя, конечно, все схватки были постановочными, но выполнялись очень профессионально и выглядели, как острая схватка. Все мужчины города болели за своих любимцев. переживали, спорили, ругали «нечестного"судью. В общем, как в настоящих соревнованиях. Я бывал с папой на таких соревнованиях и это было действительно захватывающее зрелище. И вот однажды папа был на этих соревнованиях, на арену вызывают борцов и в одном из них папа узнает... своего брата Шуру, который выступает и неплохо борется, но, конечно, под какой-то «красивой» иностранной фамилией. Папа часто рассказывал с восхищением эту историю, по которой можно судить о характере дяди Шуры. У папы где-то была фотография дяди Шуры этого периода с обнаженным торсом. Действительно, мощные мышцы, настоящий Шварценеггер! В 30-х годах дядя

Шура как то исчез из моей памяти. Впрочем, родители, конечно, знали, но я был в это время слишком юн, так что мне не много рассказывали. В моей памяти дядя Шура появился уже в 1936 или 1937 в какой-то невероятной высокой должности коммерческого директора Черноморского судостроительного завода, т.е. заместителя директора ЧСЗ по снабжению! Это была невероятно высокая и ответственная должность. Николаевцы, конечно, знают, а для тех, кто не знает, хочу объяснить, что ЧСЗ был гигантским судостроительным заводом, на котором строились как большие военные корабли (крейсера, эсминцы. т.д), так и огромные суда для мирных целей (как, например, вся китобойная флотилия «Слава»). Перед войной было начато строительство огромного сверхдредноута, который таки и не был достроен к началу войны. Снабжение такого огромного и технологически сложного предприятия было делом очень трудным, особенно в существовавшей в советские времена планово- распределительной жесткой системы снабжения, наличия в стране печально -известного Госснаба. И в этой системе дяде Шуру каким-то образом удавалось обеспечивать бесперебойное снабжение огромного завода. О его способностях в городе ходили самые невероятные легенды, которые мой папа очень любил рассказывать. Я запомнил, например, такую. Заводу срочно нужны были материалы, которые Госснаб выделил другому предприятию. Дядя Шура узнал, на какой станции находится вагоны с этими материалами, поехал туда, хорошо напоил начальника станции и сам вагоном мелом написал» В Николаев». Я думаю, что это легенда, т.к. за такие дела можно было хорошо поплатиться, но само наличие таких легенд свидетельствует о мнении на заводе про способности моего замечательного дяди Шуры. В это время он был очень знаменитым и влиятельным человеком в городе. В конце 20-х- начале 30-х дядя Шура женился на девушке по имени Галя. Тетя Галя оказалась добрым, отзывчивым человеком хорошей женой и родственницей. В начале 30-х у них родился сын Борис, мой двоюродный брат. К сожалению, Борю я знал очень плохо-они жили далеко от нас, да и разница в возрасте для тех лет была значительной. Встречались мы только тогда, когда навещали дядю (к нам они приходили редко, я даже не помню таких случаев). Зато посещения дяди Шуры я помню хорошо, т.к. это было всегда интересно. Дядя жил на окраине города, но не очень далеко от центра. Зато рядом была река Буг, так что место было неплохое. Жил дядя в малогабаритной 2-х комнатной квартире в многоэтажном доме. Наверно, тогда это было неплохо. В квартире, кроме семьи, жил большой пес, кажется, овчарка. В квартире было много интересных, в то время необычных вещей. В углу стоял огромный, очень красивый радиоприемник, с большим, мне казалось, количеством лампочек и подсветкой шкалы. Впрочем, он был очень мощный, и кроме Москвы, Киева и Бухареста (это было очень близко) ничего не"ловил». Гордостью дяди был бар, в котором было множество заграничных красивых бутылок спиртного с экзотическими названиями-подарки от иностранных гостей завода. Думаю, наши коньяки и вина были не хуже, а, вероятно, значительно лучше, но они были в простых, одинаковых бутылках и с простыми наклейками. В общем, бар производил впечатление! У дяди Шуры был микрофон и звукоусилитель (тоже, по тем временам, редкость). Дядя обычно по микрофону вел «конференс», а потом ставил пластинки, в первую очередь своего любимого Утесова. В общем, у него было всегда интересно и весело. Я уже писал, что дядя Шура был веселым, остроумным человеком. Его шутки часто повторялись в городе (конечно, как анонимные). Но мой папа их знал и часто мне рассказывал» шутки Шуры», но я их забыл. В то-же время дядя Шура был сильным, требовательным руководителем. Я один раз слышал его деловой разговор по телефону. Он кого-то распекал, давал четкие указания и распоряжения. У него при этом даже выражение лица и голос изменился, таким своего дядю я раньше никогда не видел. Для меня всегда было загадкой, как в таком раннем возрасте (ему тогда было 31—32 года) дядя Шура занял такую большую ответственную должность. Я даже не знаю, где он учился, но если даже он бы закончил ВУЗ, в чем я сильно сомневаюсь, все равно он был слишком молод для такого поста. Единственное объяснение, которое напрашивается, это то, что он был"выдвиженец». Т.к. это был

печально знаменитый 1937г., то, возможно, руководство ЧСЗ было репрессировано (никакого подтверждения, правда, я не нашел), нужны были новые кадры и способности дяди Шуры были замечены. Во всяком случае, он хорошо справлялся с этой серьезной работой и работал вплоть до начала войны и эвакуации завода. В июле 1941г. стало ясно, что немцы оккупируют город и началась огромная по своим масштабам работа по эвакуации громадного завода. Была проведена эвакуация всех кораблей, находящихся на плаву, уникального технологического оборудования, инструментов, ценных материалов и, конечно, высококвалифицированных рабочих и инженеров. В начале августа 1941г. наша семья и семья дяди Ильюши сели в вагоны ЧСЗ и эвакуировались из города. Я не знаю, кто разрешил нам эвакуироваться с ЧСЗ, возможно, было какое-то централизованное решение по эвакуации еврейского населения, но, вероятнее всего, нам помог дядя Шура, т.к. он был один из организаторов эвакуации завода. Если это так, то он просто спас нам жизнь. Т.к. завод на время оккупации прекратил работу, то руководство завода получило другие назначения. Дядя Шура был направлен на работу в Министерство судостроительной промышленности, но там что-то у него не получилось. Не знаю, что именно. Может быть его способности для Министерства просто не подошли. Во всяком случае, после освобождения Николаева он приехал в город. Не знаю, кем он работал, но это было явно не та высокая должность, которую он занимал до войны. Последний раз дядю Шуру я видел в декабре 1946-январе 1947 г., когда я на Новый 1947г. приезжал в отпуск из Германии. Мы с родителями были у него в гостях. Он старался быть веселым и уверенным, но, конечно, был сильно морально подавлен. Ему очень хотелось показать, что у него есть сильные связи, но, наверно, как всегда в таких случаях, это было не так. Например, когда я случайно упомянул, что мне скоро уезжать и пора позаботиться о билете, дядя сказал, что это не проблема и через пару дней билет будет у меня в кармане. Однако, прошла неделя, билета не было и я достал билет обычным путем, т.е. через военного коменданта вокзала. В начале или середине 50-х семья дяди Шуры неожиданно переехала в Алма-Ату. Возможно, это было связано с тем, что Боря, получил работу в Алма-Ате. Я активно переписывался с т. Галей. Она мне сообщила, что Боря женился (жену, кажется, звали Тамара) и у них родился ребенок. В начале 60-х дядя Шура очень тяжело заболел (рак) и он переносил сильные боли. Т. Галя просила достать наркотики для обезболивания. Я обратился к Клаве, моей будущей жене. Она каким-то образом доставала и я отправлял по почте. Видимо, тогда это еще было проще. В 1963г. дядя Шура скончался. Мы еще некоторое время переписывались с т. Галей, но где-то в конце 60-х она скончалась. Об этом мне сообщил Боря. Но это было единственное письмо от него. Сколько я не писал ему, он не отвечал и теперь связь с ними окончательно потеряна.

Фронт и застава (Из личных воспоминаний)

Иосиф Трегуб в юности

Война, а потом и служба в Группе советских оккупационных войск в Германии, сохранилась в моей памяти как мозаичная картина. Хорошо, что я выписал из своего личного дела некоторые данные и по ним могу восстановить хронологию событий.

Я оказался на фронте в период окончания войны, когда наша армия победоносно наступала. Но это была не игрушечная, а самая настоящая война, где смерть и ранения солдат и офицеров были частью нашей повседневной жизни. И потери были немалые. Так, в моем взводе автоматчиков, которым я командовал уже в боях на территории Германии, из двадцати солдат к концу войны осталось шестеро. Остальные были ранены, и я не уверен, что все выжили. Это казалось особенно горьким – не дожить до конца войны: как мы все понимали, он был уже очень близок.

Меня направили в 277-й полк на должность командира пулеметного взвода, но в полку назначили командиром стрелкового взвода. Полк проводил учения и подготовку к началу наступления на Польшу на правом берегу Вислы. Техника и обозы переправлялись через переправы, а мы, пехота, переходили Вислу по льду. Так как в это время уже шли бои за Варшаву, немцы на нашем, северном участке сильного сопротивления не оказывали, а начали быстро отступать. Я припоминаю только один случай, когда немцы нас пытались контратаковать, а мы заняли оборону и отстреливались.

Где-то в конце февраля – начале марта мы пересекли границу Германии (теперь это территория отдана Польше). Границу обозначали плакаты – указательный палец и надпись: «Вот она, проклятая Германия!» Интересно, что после этого мы вступали уже в немецкие городки, где не оказалось не только войск, но и вообще никакого населения. Видимо, мирные жители боялись, что наши солдаты будут мстить. К концу марта 1945 года наш полк вышел на правый берег Одера. На этом польская компания для него закончилась. Насколько я помню, это было в районе города Штеттина. Разбили лагерь, и началось боевая учеба, пополнение людьми и техникой и подготовка к боям в Германии.

В начале апреля 1945 года приказом по 47-й Армии меня неожиданно направили в 216-й стрелковый полк этого же корпуса и армии на должность командира боевого взвода автоматчиков; под моим началом находились приблизительно двадцать бойцов – в общем, это была немалая боевая сила. У меня сохранилась карта наступления нашего полка в Германии, поэтому я точно знаю, что наш полк перед переправой через Одер находился севернее города Целлина. 12—13 апреля началась подготовка к переправе на плацдарм на левом берегу Одера. В ночь на 14 апреля (эти даты я запомнил, так как они связаны с началом Берлинской операции) наш полк вместе с другими полками дивизии переправился через Одер.

16 апреля в 5 часов утра началась знаменитая артподготовка Берлинской операции. Гул от артиллерийских залпов и стрельбы сотен «Катюш» был настолько сильным, что в наших окопах начала осыпаться земля. Артподготовка длилась около часа, после чего мы пошли в наступление, причем в начале операции наша дивизия наступала во втором эшелоне корпуса.

Было это, по-моему, за Бернау. Одна из стрелковых рот получила приказ прочесать лес, находившийся на пути движения полка. Рота благополучно вошла в лес, не встречая никакого сопротивления. Однако колонна полковой батареи, проходя вдоль опушки, подверглась сильному пулеметному огню, направленному из леса, и понесла огромные потери. Стало очевидно, что в лес вошла группа немецких войск, причем неизвестной численности, и рота оказалась отрезанной. Командир полка решил направить ей на помощь мой взвод.

Первой задачей было зайти в лес, так как теперь место, куда вошла рота, простреливалось довольно плотным пулеметным огнем. По совету командира было принято такое решение: широкой цепью подползти как можно ближе к опушке, а затем по одному, с разных флангов, как можно быстрее вбежать в лес. Лес был достаточно густой, так что те, кто успел в него вбежать, уже оказались бы недоступны для поражения. В лесу взвод должен был соединиться и отправиться на поиски роты. Мы подползли к опушке как можно ближе (далее подползать уже мешал подлесок, кусты). До леса еще оставалось метров 20—30, и этот участок нужно было пробежать во весь рост под плотным пулеметным и автоматным огнем немцев. Расчет был на неожиданность и быстроту бега. Я помню, что время бега до леса составляло 5—6 секунд.

Когда я скомандовал (фамилия условная): «Иванов, вперед!», боец левого фланга взвода побежал в лес. Боец успел добежать. Тогда я дал такую же команду солдату правого фланга. И он тоже смог добежать, потому что немцы не успевали открыть прицельный огонь. Так последовательно солдаты бежали с разных флангов; и всё же двое были ранены, не смогли добежать. Когда весь взвод перебежал в лес, настала моя очередь. Я сам себе скомандовал: «Вперед!» и успел добежать до леса. Не попали.

В лесу взвод собрался, и мы пошли вперед, на поиски роты. Роту мы нашли довольно быстро. Но что делать дальше? Мы совершенно не знали, где немцы. Они – конечно, к счастью – тоже не знали, где мы: лес был очень густой. Мы с командиром роты решили, что надо сделать разведку. Уж не знаю почему, но в разведку я решил пойти сам со своим помкомвзвода, уже довольно опытным старшим сержантом по известной фамилии – Матросов. Мы осторожно пошли на левый фланг и через некоторое время увидели колонну немцев. В колонне было 10 —15 солдат с автоматами, и находились они довольно близко – мне кажется, не более чем в двадцати метрах. Однако нас они не видели, так как мы легли на землю. Надо было дожидаться, чтобы они прошли, вернуться в роту и обсудить ситуацию.

И здесь я сделал глупость: не выдержал. Перед нами были враги, немцы, которые принесли столько горя моему народу. Я почти автоматически взвел автомат и нажал на спусковой курок. Но автомат произвел только один выстрел: следующая пуля перекосилась. Частая неисправность у нашего ППШ. Услышав выстрел, офицер что-то прокричал, колонна остановилась, немцы повернулись в нашу сторону, сдернули автоматы и открыли сильный огонь, хотя нас они не видели. Матросов закричал: «Лейтенант, бежим!» Мы вскочили и побежали. Лес, к счастью, был очень густой, так что все пули попали в деревья, а мы успели убежать. Если бы мы не убежали, немцы могли бы, стреляя, пойти в нашу сторону, и тогда мы бы не спаслись. Хорошо, что я всегда уважительно относился к своим уже достаточно опытным солдатам и сержантам и учитывал их советы. Мы прибежали к своим и рассказали обо всем. Мы с командиром роты, посоветовавшись с младшими командирами, решили потихоньку, осторожно, пойти вперед и через некоторое время вышли на противоположную опушку леса. Вдоль этой стороны леса мы увидели широкую асфальтовую дорогу, по которой довольно часто на большой скорости проезжали немецкие мотоциклисты и машины с солдатами.

Надо сказать, что у нас не было никакой связи с полком. Правда, мы знали, что занятие этого леса входило в задачу полка, так что через какое-то время ожидали подхода его основных сил. Через некоторое время мы увидели, как со стороны дороги в сторону фронта движется довольно большая группа немецких солдат, вооруженных автоматами и фаустпатронами. Группа была намного больше нашей большей и значительно лучше вооружена. В нашей группе автоматы были только у солдат моего взвода – бойцы роты были вооружены винтовками. Правда, в роте имелся пулемет «Максим», довольно сильное оружие. Конечно, мы не собирались вступать в бой – немцы были явно сильнее. Кроме того, они могли получить подкрепление, а мы были отрезаны от полка. Но здесь у одного из бойцов сдали нервы, и он произвел одиночный выстрел в сторону немцев. Немцы сразу начали передвигаться по направлению к нам. Мы отползли, рассредоточились и заняли позиции для обороны. Большую надежду мы возлагали на пулемет, который поставили на правом фланге. Когда немцы поднялись в атаку и, стреляя из автоматов и фаустпатронов с криками: Иосиф Трегуб 163 «Рус, болшевик, здавайс!» пошли на нас, мы открыли огонь из автоматов и винтовок. Хотя мы лежали, а немцы шли в полный рост, эффективность нашего огня в густом лесу тоже была не очень высокой. А главное, наша основная надежда – пулемет – молчал. Как потом выяснилось, произошел перекос патрона, частая неисправность «Максима» – его лента с патронами мягкая. Неисправность не очень серьезная, просто необходимо перезарядить пулемет, но на это нужно время, хотя и небольшое. А немцы успели подойти довольно близко: уже хорошо были видны их лица. Еще пара минут – и они бы достигли наших позиций. Помощи ждать было неоткуда, основ-

ные силы полка были далеко, связи с ними не было. А так как немцев у немцев было численное превосходство и хорошее вооружение, на этом бы наши биографии и закончились. Стало довольно страшно, ничего предпринять мы уже не могли.

И в это время пулемет открыл непрерывный огонь. Может быть, в густом лесу и пулеметный огонь тоже не был очень эффективен, но он создавал впечатление, что немцам противостоит большая и мощная группировка. Да и опасность поражения при непрерывном пулеметном огне была высокой. Как бы то ни было, после начала пулеметного огня немцы побежали назад и залегли. Воспользовавшись передышкой, мы быстро отошли, на пути увидели овраг и заняли в нем круговую оборону

Я рассказывал долго, а в действительности все эти события произошли в течении нескольких часов: начались утром, часов в 8, а закончились часа в 2—3 дня. Не знаю почему, но этот эпизод мне вспоминается очень ясно, как будто это было вчера, хотя с тех пор прошло более 70 лет и очень многое забылось.

Конечно, тот бой нельзя сравнить с боями на Зееловских высотах, штурмом Берлина, и тем более с боями в начале войны, но и в таком бою несколько раз мне грозила опасность быть раненым или убитым. Это и была повседневная жизнь на фронте, на войне. Если в обычной жизни насильственная смерть — значительное событие и горе, то на фронте — будни, к которым все привыкли: сообщение о том, что кто-то убит, никакого удивления не вызывает.

Когда мы обошли Берлин с севера, наша дивизия резко повернула на юг с целью окружения Берлинской группировки немецких войск. На этом пути нам встретился сильно укрепленный город Гросс-Глиннеке, где мы встретили упорное сопротивление немцев. Начались довольно напряженные бои. На пути нашего полка в районе Гросс-Глиннеке находился военный городок, который мы должны были взять. Он состоял из нескольких крепких зданий; немцы организовали очень сильную оборону и отчаянно сопротивлялись. Наверное, одной из причин было то, что в городке находились семьи офицеров. Наш полк попытался взять городок штурмом, но это не удалось; немцы отбили все атаки, и полк понес большие потери. Стало очевидно, что ему эта задача не по силам. Даже если бы полк получил подкрепление, без больших потерь городок взять было невозможно. Тогда было принято решение направить к немцам парламентариев с гарантиями безопасности семьям и жизни тем, кто сдастся в плен. И немцы приняли эти условия. В плен сдались более 1000 человек. После этого нам нужно было прочесать все помещения. Это было небезопасно: в комнатах могли скрываться немцы, которые были несогласны с капитуляцией. Утром мы передали всех пленных специальным частям, в этот же день встретились с бойцами 1-ого Украинского фронта и вошли в Шпандау, западный пригород Берлина.

Наступило 1 мая 1945 года. Бои в городе всегда носят одинаковый характер: обороняющиеся отбивают атаки, укрываясь в зданиях, наступающие всеми силами атакуют эти здания. Это всегда тяжелые и кровопролитные бои. В нашем случае обороняющимися были наши войска, а немцы отчаянно пытались прорваться на запад, чтобы сдать союзникам, справедливо рассчитывая, что это для них будет лучшим вариантом. 2 мая немецкое командование подписало акт о капитуляции Берлина. Немецким войскам в Берлине было приказано сложить оружие. И тогда вражеские подразделения, находящиеся на западе Берлина, то есть как раз на нашем участке, предприняли последнюю отчаянную попытку прорваться на запад. То был короткий, но очень напряженный бой, в котором вынужден был принять непосредственное участие даже штаб полка. Немцам не удалось прорваться, и они массово стали сдаваться в соответствии с актом о капитуляции.

Нашему полку сдалось более 1500 немцев, в том числе большое число офицеров. Моему взводу, Фронт и застава 164 в котором осталось шесть человек, было поручено конвоировать немцев в лагерь для военнопленных. Конечно, конвоировать такую огромную колонну шесть человек не могли. Поэтому мы с помощью переводчика разбили колонну на сотни,

во главе каждой поставили немецкого офицера, впереди организовали колонну офицеров во главе с полковником Гофманом, который мне запомнился своей удивительной напыщенностью и самоуверенностью: арийская «голубая» кровь. Можно было подумать, что он командует большой колонной войск, а не военнопленных. Немцы и в плену подчинялись твердой воинской дисциплине. Так я впервые увидел вблизи немецкую армию, и это действительно была страшная военная машина. Вообще я хорошо помню это странное чувство близкого контакта с немецкими солдатами и офицерами, которые всегда воспринимались как враги в их страшной, вражеской форме. Весь взвод я поставил впереди колонны и командовал через переводчика. Когда мы вечером привели колонну в лагерь, то в ней оказалось больше немцев, чем мы приняли вначале. Видимо, некоторые солдаты примыкали по пути: все-таки было спасение.

Мне хочется рассказать о моей беседе с переводчиком. То был фольксдойче, который родился и вырос в СССР, закончил Ленинградский университет, но во время войны перешел к «своим» и, став гражданином Германии, работал переводчиком. Конечно, совершенно свободно говорил по-русски. Он был всегда при мне, в голове колонны, и мы с ним много разговаривали: мне хотелось понять, что из себя представляла Германия во время фашизма, как установился культ Гитлера и т. д. Он, видимо, проникся ко мне доверием и поэтому разоткровенничался и высказал свое мнение не только о Германии, но и об СССР, в котором он прожил много лет и о котором многое знал. Его мнение заключалось в том, что в этих странах был практически одинаковый строй. Был один вождь, одна партия (кстати, «рабочего класса»), практически одинаково организованные силовые структуры (Гестапо – МВД, СС – КГБ), агрессивная политика и т. д. Именно поэтому он считал войну между нашими странами большой ошибкой: если бы они объединились, то могли бы завоевать весь мир. Я, конечно, горячо возражал: «У вас – фашизм, подавление народов, у нас – социализм, братство народов, будущее – коммунизм» и другие глупости, в которые тогда искренне верил. Потом я часто вспоминал этот разговор. Мне через несколько лет стало понятно, что он был прав в отношении схожести режимов, но было бы ужасно, если бы эти режимы объединились и начали мировую войну.

Вечером 2 мая мы вернулись в полк, который 3 мая двинулся в сторону Эльбы на встречу с американской армией, которая в соответствии с договоренностью почти месяц стояла на левом берегу Эльбы и не принимала никакого участия в боях за Берлин. Мы продвигались довольно быстро, практически без боев. Теперь основной задачей немцев было как можно быстрее достичь армии союзников и сдаться, чтобы не оказаться в нашем плену. Другого выбора у них уже не было. 6 мая наш полк подошел так близко к Эльбе, что уже видел ее. Было хорошо видно, как колонны немецких войск переправлялись через мост и сдавались в плен американцам. На нашем, правом, берегу Эльбы немцы установили орудия и открыли сильный артиллерийский огонь по нашим войскам, чтобы остановить наше наступление. Но для нас наступать и нести потери не имело смысла – сдавшиеся уже не были армией. Поэтому командование полка приняло единственно правильное решение: всем залечь, окопаться и не высываться, пока все немцы не уйдут и не прекратят огонь. Когда все немецкие солдаты благополучно перешли Эльбу, артиллеристы прекратили огонь, вынули из орудий замки (чтобы орудия нельзя было использовать), тоже перешли мост и сдались в плен. Когда огонь прекратился, полк поднялся и спокойно дошел до реки.

Это был удивительный день, который я навсегда запомнил. Напротив нас на другом берегу реки впервые были не враги-немцы в своей ненавистной нам форме, а друзья, американцы, в своей замечательной форме. Они размахивали руками и что-то кричали, приветствуя нас. Я хорошо помню огромный плакат, где на красном полотнище были большими белыми буквами написано: «Привет нашим русским товарищам!» (Хорошо помню, что слово «русским» было написано с одним «с», и это мне тоже очень было радостно видеть: ясно, что

перед нами не наша, а американская армия, и, следовательно, война закончена). Было 7 мая 1945 года. В этот день для нашего полка – и, значит, для меня – война закончилась.

Наш полк начал обустриваться: рыть Иосиф Трегуб 165 землянки и размещаться. На обеих сторонах моста выставили посты: наш и американский, чтобы не допустить встречи, которая, конечно, привела бы к полной дезорганизации наших частей. Так что мы виделись с американцами только через реку. 9 мая началась стрельба: это салютовали наши связисты, которые первыми узнали о подписании немецкой капитуляции. Мы тоже присоединились к этому салюту. Наступило какое-то совершенно необыкновенное время, эйфория и радость, какой я больше никогда не испытывал. Страшная война окончилась, мы победили и остались живы. Прекрасная погода и природа: весна, май. Мне трудно это описать, но было какое-то совершенно удивительное чувство.

Надо было думать о будущем. наших солдат начали демобилизовывать. Я тоже решил демобилизоваться, так как не хотел быть военным. Я мечтал продолжить учебу на физмате университета или в каком-нибудь институте по интересной для меня специальности, поэтому сразу подал рапорт о демобилизации. Ответ пришел незамедлительно: поскольку я окончил военное училище, то являюсь кадровым офицером, и вся моя дальнейшая жизнь будет связана с армейской службой. И хотя я не оставил планов в конце концов демобилизоваться, пока что надо было продолжать службу. Уже в июне 1945 года солдаты нашего полка начали уезжать по домам, а офицеры, в том числе и я, были направлены в отдел кадров 47-й армии. 1-й Белорусский фронт был преобразован в Группу советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). В составе этой Группы я и прослужил два года, до 1947 г.

Служба в Германии была удивительной и резко отличалась от службы в своей стране. Мы находились в какой-то совершенно новой, незнакомой стране, и нас окружали люди, менталитет и язык которых был нам совершенно непонятен. Кроме того, совсем недавно это были ненавидистые нам враги, фашисты. Немцы очень боялись, что «русские» станут мстить, начнутся насилия и грабежи, но вскоре они поняли, что ничего этого не будет. Отношение к населению Германии было очень гуманным. Да и как можно было иначе относиться к женщинам, старикам, детям, которые не имели прямого отношения к зверствам фашистских войск? С другой стороны, отношение к нам тоже было лояльным. Не было никаких движений сопротивления. Мы чувствовали себя в полной безопасности. Я, во всяком случае, никогда не слышал о каком-нибудь нападении на наших солдат или офицеров. Возможно, это было связано и с какой-то удивительной дисциплиной этого народа. Меня часто поражало исполнение любого приказа, отданного человеком в форме (полицейским, кондуктором и т. д.) Любой человек в форме олицетворял собой власть, которой надо было беспрекословно подчиняться.

В октябре 1945 года меня назначили командиром пулеметного взвода 3-й Ударной Армии ГСОВГ в Тюрингии, где-то между городами Нордхаузен и Хальберштадтом. В зону ответственности полка входила демаркационная линия с английской зоной, и полку было приказано создать погранзаставы.

Командовать погранзаставой на территории Германии было непросто. Ведь обычно «нормальная» погранзастава располагается на своей территории, так что вокруг «свои» люди, менталитет и язык которых хорошо понятны. В составе нашей погранзаставы были фронтовики, прошедшие суровую школу войны, – довольно взрослые люди (во всяком случае, большинство из них было старше меня), ожидающие скорой демобилизации. Они очень устали от войны и мечтали поскорее вернуться к мирной жизни, которую, безусловно, заслужили. Проводить с ними занятия по программе молодого бойца было глупо и просто несерьезно по отношению к этим очень уважаемым мной людям. И в то же время дисциплину на погранзаставе следовало неуклонно поддерживать.

Застава размещалась в довольно большом помещении на въезде в село. Был определен участок границы, который мы должны были охранять. Все остальное было предостав-

лено на мое усмотрение. В мои действия полк практически не вмешивался. Я, конечно, понимал (кое-какой опыт военной службы уже приобрел), что управлять погранзаставой такого большого и сложного состава, да еще в таких условиях, в одиночку не смогу. Ясно, что опереться я мог только на младших командиров: старшину, помкомвзводов, командиров отделений. Но для этого нужно было усилить их авторитет, а, главное, увеличить их личную ответственность за погранзаставу. И тогда я решил создать не предусмотренный никаким Фронт и застава 166 уставом Совет погранзаставы. В него вошли все младшие командиры, а также некоторые опытные сержанты: у них не было непосредственных подчиненных, зато они обладали большим военным опытом и пользовались уважением солдат. Совет заседал регулярно, причем о заседаниях Совета, для поднятия авторитета его членов, извещали всех солдат. На заседаниях я докладывал обстановку на заставе, излагал проблемы, задачи, и мы все эти проблемы обстоятельно обсуждали. Причем обсуждение не было формальным, ведь я нуждался в совете опытных сержантов, от которых в большой степени зависел порядок на заставе. Служба на заставе была напряженной, в наряд ходили через день. Одновременно в наряде было 8 солдат; а всего на заставе служило порядка 55—60 человек.

Хотелось как-то поддержать солдат, и я решил, что надо хотя бы улучшить их питание. Вообще питание было довольно сытное, но однообразное: каша, макароны, картошка, размороженные мясо и рыба. В то же время мы жили в довольно богатом селе. Поскольку колхозов там еще не было, крестьяне сдавали продналог и жили очень неплохо. Вообще-то жители села и сами могли догадаться как-то подкормить солдат, вынужденных – отчасти по их, жителей, вине – нести нелегкую службу, тем более что наше отношение к сельчанам было довольно дружеским, и мы всегда старались не усложнять их жизнь, хотя вполне бы могли это сделать. Так, мы разрешили крестьянам обрабатывать огороды, находившиеся рядом с границей, не очень придирались к въезду и выезду из села. Я всегда разрешал проведение различных мероприятий, к примеру, танцев, которые жители очень любили.

Поскольку сами они ничего не предлагали, то я направил старшину к старосте с просьбой каждый день направлять на заставу 60 свежих яиц, по одному на каждого пограничника. Для села это было совершенно не накладно: может быть, по одному яйцу с двора раз в неделю. Я никак не ожидал, что староста откажет: это, мол, «не положено». Действительно, это было не положено. Но зато мне было вполне положено резко усилить режим на границе.

Обработка огородов у границы, на «нейтральной полосе», была запрещена, резко усилены требования к порядку въезда и выезда из села. Староста решил на это пожаловаться. Надо, наверно, пояснить, что в зоне нашей оккупации действовали два руководящих органа, которые, в общем, не подчинялись друг другу, хотя и были как-то связаны: Группа советских оккупационных войск, которая руководила всеми войсками на территории зоны, и Военная администрация, которая занималась организацией гражданской жизни зоны и которой, в частности, подчинялись мэры городов и старосты сел. Вот в эту администрацию и поехал жаловаться староста. Правда, у него хватило ума не упоминать о нашей просьбе. Он просто пожаловался на то, что выезд из села стал очень затруднительным. Из Военной администрации приехал на заставу какой-то сотрудник в чине майора, чтобы выяснить обстановку. Но я к такому визиту был готов и сказал, что обстановка на границе резко осложнилась, увеличилось число переходов границы, появились в селе незнакомые люди и т. д., и мы вынуждены ужесточить порядок охраны границы. Вмешиваться в военные дела администрация не имела права, так что майор вынужден был передать все сказанное старосте и уехать. На следующий день староста сам пришел на заставу и сообщил, что село решило каждое утро доставлять на заставу 60 яиц. После этого обстановка на границе сразу улучшилась, а весь состав погранзаставы стал ежедневно получать на завтрак по одному свежему яйцу на человека. Труднее было со свежим мясом. Хотелось, чтобы на погранзаставе хотя бы изредка было свежее мясо, но требовать его у жителей села было невозможно. И все же выход был найден. Среди солдат заставы нашелся

профессиональный охотник, а в лесах вокруг заставы было довольно много ланей, на которых немцы не могли охотиться, так как у них отобрали и оружие, и лицензии на отстрел. Конечно, лицензий на отстрел у нас тоже не было, но кто на это обращал внимание после войны?

Служба на границе велась хорошо, как правило, замечаний не было. Обычно каждый день мы задерживали нескольких человек – и мужчин, и женщин. Это были жители села, которые ходили в соседние села к родственникам или по делам – демаркационная линия разделила два соседних села, тесно связанные друг с другом. Утром задержанные «нарушители» делали небольшую работу для заставы: женщины, как правило, проводили уборку, мужчины кололи дрова, что-то чинили и т. д. Потом за ними приезжали представители спецслужб, увозили их для Иосифа Трегуба 167 разборки и, как правило, отпускали домой, поскольку это фактически были простые сельчане, за которыми никакого криминала не числилось. Так что на следующий день мы уже встречались с «нарушителями границы». А затем все повторялось.

Иногда по ночам спецслужбы привозили людей, которых нужно было переправить через границу. Это уже были настоящие агенты, которые переправлялись со специальными заданиями. Дружба дружбой, а спецслужбы СССР работали неустанно. Конечно, этих людей мы беспрепятственно пропускали через границу, так как с английской стороны пограничников не было. То есть служба охраны границы у наших союзников была, но она проводилась по довольно странному ритуалу. Часового привозили на машине (!), но как только машина уезжала, часовой приветственно махал нашему часовому рукой и уходил в соседнее село, видимо, в бар или к девушке. Следующая машина привозила нового часового, и все повторялось. Видимо, англичане были убеждены, что охрана демаркационной линии никому не нужна. Конечно, дисциплина в нашей армии была значительно выше, и мы к службе относились очень серьезно: поставленная задача должна быть неукоснительно выполнена.

Очень серьезной была проблема с распорядком того дня, когда солдаты не находились на посту: не могут же люди целый день ничего не делать! При несении обычной солдатской службы такой день был бы заполнен напряженной военной подготовкой и расписан по минутам; именно так мы жили в училище. Но подчинить подобному порядку жизнь на заставе я не мог. Заниматься боевой, строевой и стрелковой подготовкой с фронтовиками, только что окончившими войну (многие из них были награждены орденами и медалями, некоторые имели ранения), которые на следующий день должны были заступать на сутки в караул, было морально и физически невозможно. Я думаю, что любой командир на моем месте тоже бы на такое не решился. Конечно, распорядок дня неуклонно соблюдался. Из занятий я оставил только политическую (куда же без нее!) и физическую подготовку, которую мы постарались сделать более занимательной: оборудовали футбольное поле и волейбольную площадку, проводили соревнования между подразделениями. Но этого оказалось совершенно недостаточно, чтобы заполнить день. Отпускать солдат в увольнение мы не могли: находясь в увольнении, солдат мог бы отправиться только в бар, что было бы совершенно нежелательно. Кинотеатра в селе не было, встречаться с девушками солдат не мог: непонятный язык и менталитет, совершенно чужая страна. Следовало заполнить время каким-нибудь понятным и естественным для солдат занятием.

И такое занятие я придумал, а потом мы его обсудили и приняли на Совете руководства заставой. Так как застава была военным подразделением, выполняющим боевую задачу, то естественной была проблема укрепления обороны. Был создан план, и началось рытье окопов и создание пулеметных гнезд вокруг заставы в направлении возможной атаки со стороны «противника», то есть в направлении границы. Правда, работу мы не форсировали: во-первых, чтобы не сделать ее слишком утомительной для солдат, а, во-вторых, чтобы растянуть ее на длительный период, поскольку время смены погранзаставы определено не было. В результате мы создали вокруг заставы глубоко эшелонированную оборонительную линию и могли

в случае необходимости держать длительную оборону против сильного противника (вот только было неясно, кто этот противник).

Теперь о личной жизни наших солдат. Ясно, что это были молодые люди и, конечно, ничто человеческое им не было чуждо. А в селе было много девушек и молодых женщин и практически не было молодых мужчин. Само собой разумеется, что в этих условиях начали (на добровольных, конечно, началах, о каком-нибудь насилии не могло быть и речи!) возникать «парочки». Это было понятно и естественно, но пустить такие встречи «на самотек» я не мог, иначе по ночам на заставе вообще бы никого не оставалось. Поэтому была установлена квота «увольнения на ночь» (приблизительно 8—10 человек). В порядок увольнения я не вмешивался – это была сфера ответственности младшего командира. Командир должен был точно знать, в каком доме находится «уволненный», и при первой необходимости (например, при объявлении тревоги на заставе) обеспечить его быстрый приход.

Так постепенно был выработан порядок жизни на заставе.

Интересно, что я хорошо понимаю и могу верно оценить свои действия, совершённые в достаточно зрелом возрасте. Но я совсем не понимаю собственных поступков, совершённых Фронт и заставка 168 в молодости: такое впечатление, что тогда действовал не я, а какой-то совершенно другой, незнакомый мне человек. Впрочем, основные черты человека – его отношение к людям, родным, миру вообще, к себе, своему долгу и обязанностям и т. д. – наверное, с годами не меняются, остаются его сущностью. Но конкретные поступки очень зависят от возраста и жизненного опыта. Чтобы это прокомментировать и как-то освежить мой суховатый рассказ о жизни на заставе, вставлю в описание «жанровую картинку», которую можно было бы назвать *«Начальник погранзаставы на вечеринке в пограничной немецкой деревне»*.

Особых развлечений в селе не было: ни кинотеатра, ни телевидения (если оно и было изобретено, то в Европе еще не получило распространения), ни даже радио, поскольку в послевоенной Германии на основании специального приказа все радиоприемники у жителей отобрали; поэтому основным развлечением служили вечеринки с танцами. Обычно такие вечеринки проводились в больших сельских пивных барах.

Поскольку село было приграничным, то командир погранзаставы фактически являлся его военным комендантом. Во всяком случае, никакие массовые собрания жителей не допускались без моего разрешения, и это разрешение было связано с положением на границе. Когда ответственный за организацию вечеринки – чаще всего владелец бара – приходил за разрешением (и, как правило, такое разрешение получал), обязательно определялось приблизительное количество людей, а также время начала и конца вечеринки: обычно с семи до десяти вечера.

И вот приблизительно в девять вечера «для проверки порядка» являюсь я. Ради большей солидности меня сопровождает вооруженный пограничник. Меня, конечно, торжественно встречает сам хозяин, усаживает за специально выделенный для столь «высокого гостя» столик, и нам приносят по кружке пива. Веселье в самом разгаре. Гости с увлечением пляшут разные веселые народные танцы. Я еще достаточно молод и потому сам бы не прочь потанцевать, но «положение» не позволяет. Поэтому я строго «наблюдаю за порядком». (Хотя наблюдать было не за чем: на вечеринках всегда царил образцовый немецкий порядок – никогда я не видел никаких ссор, «разборок», скандалов). Около десяти часов хозяин объявляет, что время, отведенное на вечер, подходит к концу – остался последний танец.

Тут все гости сбегаются к моему столу и начинают меня упрашивать, чтобы я разрешил им повеселиться еще хотя бы один час. Я «глубоко задумываюсь». Все замолкают, давая мне возможность «взвесить обстановку». Самое смешное, что никакой проблемы нет, и думать, в общем, мне не о чем. Обстановка нормальная, и ничего не мешает мне позволить им плясать хоть до утра. Наконец, я «принимаю решение» и разрешаю веселиться еще один час. Раздаются радостные возгласы: " Герр лейтенант разрешил!" – и танцы продолжают. То, что я изобрал «глубокое размышление» над проблемой, которой фактически не существовало, было,

конечно, мальчишеством, и сейчас я бы так не поступил. Но тогда я был молод, жизнерадостен и мне, наверно, было весело изображать из себя «большого начальника».

Конечно, на самой заставе далеко не всегда всё шло легко и гладко, без происшествий. Приходилось принимать меры, чтобы поддержать порядок и нормальную жизнь. Наиболее частыми нарушениями среди состава были самовольные отлучки и «злоупотребление спиртными напитками». Нельзя было дать этим проступкам принять массовый характер, иначе порядок на заставе пошел бы вразнос. Поэтому нужно было реагировать даже на самое незначительное происшествие, причем лично.

В действительности у меня не было серьезных рычагов для наказания. И я придумал один, который действовал очень успешно. Я обещал «провинившемуся», что если он будет продолжать в том же роде, то я отправлю его в полк и попрошу замену. Этого на заставе не хотел никто. Несмотря на нелегкую службу – суточные дежурства через день – на заставе установилась хорошая, дружеская атмосфера: каждый чувствовал, что к нему относятся уважительно, всегда стараются по возможности учесть его проблемы. Немаловажную роль играла хорошая природа и близость к мирной, хотя и чужой жизни, по которой солдаты очень соскучились. Другое дело – в полку: казармы, строгая дисциплина, постоянная военная подготовка.

В общем, как-то ситуацию удавалось держать, заставка была на неплохом счету. Но один раз там случилось происшествие, которое могло иметь самые трагические последствия. Его виновником стал старшина заставы, который Иосиф Трегуб 169 раньше был помкомвзводом во взводе разведчиков полка, – опытный сержант, прошедший суровую школу войны, награжденный тремя боевыми орденами, полковая «элита». Но наше военное начальство узнало, что этот разведчик каким-то образом «добыл» роскошную, уникальную автомашину какого-то крупного фашистского чиновника и где-то ее спрятал. Конечно, большое начальство захотело у него эту машину забрать, но он наотрез отказался указать ее местонахождение. (Я так и не понял, зачем ему была нужна эта машина: переправить ее на родину он никак не мог, а продать такую машину в Германии было некому.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.